

СИНЕМ-ЛОРТ-
БЭР

Попутешествовать
мне захотелось,
Поехали на пару
недель на Андаманские
острова съездим?

Посмотрите мальчики, -
вокруг ведь рай...
Может быть, мы увидим, а это
все вокруг - рай или наш
последний сон РАЗУМА...

MAAITEE

ГЛАВА 40. Часть первая. В тюрьме.

– Смотри, как всё быстро меняется вокруг, – показываю я пальцем на фасад здания из бетона и тонированного стекла.

Мы едем в маленьком полицейском джипе из суда в тюрьму, разглядывая в окно двухнедельные изменения окружающего мира.

– Евроремонт, – улыбаясь, отвечает Виктор, прожёвывая малосольный огурец. – Пропадает ведь, Вась, национальный колорит. Неужели индусы не понимают, что теряется душа у строения? Они ведь такие красивые здания могут строить, в индийском и старопортугальском стиле.

– Ты мясо, Вить, ешь, а то пока на здания глазеешь, я всё проглочу.

– Я такой вкуснятины очень давно не ел, – говорит Виктор, засовывая в рот одновременно кусочек вареного языка и малосольный огурчик. Сидящий рядом индийский полицейский, скривившись, смотрит, как мы едим язык его божества¹.

– Хочешь попробовать? – протягивая полицейскому кусочек вареного говяжьего языка, с улыбкой говорит Виктор.

– Нет, нет, – ещё больше отстранившись от нас, со сморщенным от отвращения лицом, отвечает немолодой индус со звездочкой на погонах.

– Ну, не хочешь, нам больше достанется, – отвечаю я, наслаждаясь забытым вкусом.

Впервые за полгода мы едим не рис с горохом и тушеной редиской, а настоящую, вкусную, домашнюю еду. Надо попросить, чтобы к следующему суду моя Лена приготовила креветочек.

– Меня сейчас разорвет от такой вкуснятины, – плюясь крошками, говорит Виктор с полным набитым ртом. – Может, Вась, бухнём?

– Открывай, там в пакете две бутылки с колой. В одну из них Лена наполовину рома налила. Только когда глотанёшь, не выды-

¹Корова считается в Индии священным животным.

хай охранникам в лицо перегаром, а то в следующий суд полицейские не разрешат взять передачку от Лены.

Резко открыв нагретую от жары бутылку колы, Виктор обрызгивает всех четверых полицейских сладкой шипучей жидкостью.

– Не та, Вась, бутылка, она без рома.

– Дай сам открою, а то мы сейчас без выпивки останемся, – говорю я, забирая у Виктора бутылку.

Потихоньку спустив газы, я открываю бутылку и делаю первый глоток. Крепкий алкогольный напиток тёплой волной раскатывается по моему телу.

– Открывай баночку с икрой, – говорю я Виктору, закусывая огурчиком, засоленным моей Леной. – Виктор, это просто фантастика!

Мы едем в джипе с полицейскими из суда в тюрьму и бухаем ром, закусывая икрой, которую достаем пальцами из открытой консервной банки.

– Смотри, что мне Лена передала вместе с передачкой, – показываю я Виктору маленький носовой платочек.

– Что это?

– Это грамм MDMA.

– Как это мне, Вась, понять?

– А у меня дома было десять грамм MDMA. Я ведь знал, что полиция ко мне придёт и поэтому высыпал всё в маленькую бутылочку с водкой. Ментам и в голову не пришло пробовать початую бутылку, стоящую в холодильнике. А вчера Лена смочила немного этой водкой платочек и высушила.

– И что теперь, Вась, нам платок этот есть что ли?

– Зачем есть, включи, Вить, свою соображалку. Приедем, я положу этот платочек в баночку с водой, постоит эта настойка несколько часов, а потом выпьем эту водичку.

– Это, конечно, Вась, неплохо. Только что в камере делать-то будем, когда накроет нас этот димыч? По кругу бегать? Ни музыки, ни тёлок, только обшарпанные стены.

– Закроешь, Вить, глаза, будут тебе и тёлки и музыка и стены с решётками исчезнут.

– Ну, в принципе, ты прав. Что нам терять? Кроме тюрьмы – нечего, надо попробовать. Не так уж много развлечений в тюрьме, чтобы от наркотиков отказываться. Побудем немножечко счастливыми.

– А ты, Вить, смотрел телепередачу «Профессия – репортер» с Лошаком, про дауншифтеров?

– Ты же знаешь, Вась, я телевизор не смотрю, газеты не читаю.

– Да у меня, Вить, тоже телека нет, но в Непале по спутниковому каналу смотрел, неплохая передача вышла. Правда, как-то так получилось, что почти все, кто интервью давал, или бывшие или действующие драг-дилеры. Человек десять дало интервью, и все перед камерой рассказывают так складно, что в Гоа – рай на земле. Борис говорит, что он йогу преподает, хотя все его знают в Гоа, как главного продавца псилоцибиновых грибов. Тамир говорит, что он – главный консультант по любым вопросам. Только мне Ашиш, шеф драг-полиции сказал, что Тамир – единственный в Гоа настоящий русский драг-дилер. Лёша с Ларисой, которые детский сад в Морджиме открыли, когда-то килограммами чарас из Непала в рашку слали, Лёша в Москве когда-то известным драг-дилером был, по кличке «Бешеный». Он такой же психоделический воин, как и я. Тоже верил в квантовый скачок восприятия. Уехал он в рашку на месяц, съел капельку ЛСД, и спятил. В психушке долго лежал. Так и не вернулся в Гоа больше. Его Лариса, одна, какое-то время детским садиком управляла, и воспитывала их маленького сына, Федьку. А потом, по возвращении в Россию, тоже была арестована, и получила пять лет условно. А я перед видеокамерой тогда заявлял, что живу на доходы от продажи кваса. И вот, сейчас в тюрьме сижу из-за этого «кваса». Как же, Вить, так вышло, что пёрло меня от жизни в Гоа, аж дух захватывало, а потом – бац! И всё надоело. Резко вдруг стало скучно мне жить. И от скуки этой расслабился я так, что непоправимых ошибок наделал таких, которые сюда меня и привели.

– Приехали, выходите, конечная остановка – тюрьма, – кричит нам водитель джипа, подмигивая мне в зеркало заднего вида. – Доедайте свою еду, и на выход. В тюрьму ничего проносить нельзя. У вас три минуты, чтобы все доесть, – строго обращается к нам полицейский, презрительно косясь на бутерброды с вареным языком.

ГЛАВА 40. Часть вторая. На воле.

– Какие люди ко мне пожаловали, наконец-то хоть кто-то понастоящему живой! Не то, что эти гоблины, – показываю я пальцем на троих, разморенных пивом и жаркой погодой туристов, уснувших на матрасиках прямо возле стола. – Здорово парни! – с радостью жму я руки своим старым гоанским друзьям. – Как я рад

вас видеть! Всё меньше реальных людей в Гоа остается. Порадовали вы меня своим появлением.

– Здорово, Вася! – по очереди обнимают меня мои друзья – Серёга Киевский и Васко – худой московский растаман с длинными, почти до пояса, дредами.

– Ты Серёга, как всегда, во всём оранжевом.

– Да, Вася, ты же знаешь, – оранжевый это мой цвет, – широко улыбаясь, отвечает мне высокий, лысый украинский хлопец.

– А где, Серёга, твой котёнок, которого ты в прошлом году в прозрачном рюкзаке повсюду с собой возил?

– Вырос, скотина, не желает больше в рюкзаке сидеть. Живёт сейчас у индусов. Я теперь собаку себе завёл. Смотри, – показывает Серёга на маленькую рыжую дворняжку, которая поджавши хвост, трется о его ноги. – Она на отходнях сейчас. Мы ей вчера ЛСД давали. Она вчера демонов собачьих по двору гоняла. У неё теперь тоже расширенное сознание. Что у тебя, Васико, вкусненькое в ресторане есть?

– Ты же знаешь, Серёг, я не индус, мы говна со специями не готовим.

– Тогда картошечку пюре с котлеткой для меня, две котлетки для моей собаки, стакан гранатового сока и сырники со сметаной.

– А мне вегетарианскую окрошку и драники картофельные, – добавляет мой тезка по прозвищу Васко.

Нажав на кнопку звонка, прибитую к стволу пальмы, растущей посреди ресторана, я слышу, как на кухне раздаётся громкая трель звонка.

– Это что это за новшество такое? – удивленно спрашивает Серёга, успокаивая свою собаку, напуганную громким звуком.

– Это я, Серёга, для комфорта клиентов сделал. Теперь, чтобы официантов не кричать, нужно всего лишь подойти к пальме. Я для этого кнопку от дверного звонка к ней прибил.

– И ты, Вася, жалуешься, что у тебя работа стала неинтересная? Ты же здесь как падишах время проводишь. Сделал себе в этом году подиум, тайскими матрасиками обложился, весь день на море смотришь, в шахматы играешь, соки свежесжатые пьёшь, еду самую вкусную ешь. Каждый день, наверное, устриц да крабов лопаешь. Чем же ты, Вася, не доволен-то?

Прибежав на звуки звонка, мой непальский официант Кришна суетливо записывает в блокнот всё, что заказали мои друзья.

– А вы, сэр, будете что-нибудь кушать? – услужливо спрашивает меня Кришна, поправляя фартук.

– Что-то у меня аппетита с утра нет, принеси ка мне стакан холодного кваса, – говорю я, повернувшись снова к своим друзьям. – И не забудь, Кришна, положить мне в стакан пару листиков мяты. Я вот, Серёг, подиум в этом году в своем рестике сделал вместо второго этажа, потому что запретили власти гоанские двухэтажные рестораны на берегу делать. Это я, сын инженера, могу прочную конструкцию построить. Я, в первом сезоне, первый в Арамболе двухэтажное сооружение из бамбука построил. Индусы насмотрелись, что ко мне народ валит, и настроили из тонкой фанеры вторых этажей. Да таких непрочных, что опасно стало находиться в них, – что на первом, что на втором этаже. Вот власти и запретили всем вторые этажи строить. А устриц с крабами, и соков натуральных я за три года так наелся, что сейчас больше русскую традиционную кухню предпочитаю.

– Я знаю, у тебя чилум есть. Может, пока заказ ждем, покурим? – обращается Серёга к Васко, доставая кропаль чараса.

– Есть у меня, парни, чилум, только курить я с вами его не буду, с серьёзным лицом говорит Васко, завязывая дреды в большой пучок.

– Это почему же? – почти одновременно спрашиваем мы, удивлённые странным поведением друга.

– Потому, что вы мясо едите. А я чилум только с вегетарианцами курю. Чилум у меня вегетарианский.

– Так мы же к чилуму даже губами не прикасаемся, когда курим, – удивлённо говорю я, впервые услышав такое понятие, как «вегетарианский чилум».

– Джойнт скручу для вас, косяк можно с вами курить. Парни, извините, но я считаю, что те, кто мясо ест, оскверняют мой чилум.

– Ну, крути хоть косяк, – вздыхая, говорю я, крутя пальцем у виска за спиной нашего растамана.

– По-моему, у всех крыша потихоньку отъезжать начинает, – улыбаясь, добавляет Серёга, внимательно наблюдая, как наш вегетарианец с абсолютно серьёзным лицом готов вступить в полемику об ужасе мясоедства.

– Ты, Васко, фашиствующий вегетарианец. Для тебя все мясоеды стали врагами. Я видел много в своей жизни вегетарианцев, и сам шесть лет мяса не ел, и, по-своему опыту могу сказать, что тот, кто действительно не хочет есть мясо, никак не реагирует на то, что кто-то в его присутствии наслаждается мясом. А те вегета-

рианцы, которым по ночам снится свиная рулька, обычно в жизни возмущаются на мясоедов, придумывая различные истории, типа вегетарианского чилума. На самом деле ты, Васко, хочешь мяса, оно соблазняет тебя, и ты так, по-своему, борешься с этими соблазнами.

– Ладно, забудь, Вась, про мясо. Я к тебе с не хорошими новостями пришёл, – обращается ко мне Васко, скручивая джойнт.

– Что случилось? Вегетарианцы теперь вне закона?

– Да ну тебя в баню, Вася. На той неделе девочку одну русскую арестовали в аэропорту Гоа. Положила она себе в лифчик триста грамм чараса, обдолбалась чем-то, и пошла, улыбаясь, пограничный контроль проходить. Там её и задержали.

– Это, Васко не новость, знаю я эту девчонку. Она у меня бутылочку ЛСД купила и чарас этот. Я ведь её предупреждал, говорил: «Не вздумай в Россию везти», когда продавал. «Нет, не волнуйся», – ответила она, говорит: «Это всё в Гоа будет использовано». И на следующий же день полетела в Россию. Вот, люди – за триста грамм гашиша на кон ставят десять лет своей жизни.

– Так вот Вась, купила она у тебя, а в полиции сказала, что покупала у русского Васы с дредами на голове. Рассказал мне всё это Тамир, у него полиция спрашивала, не знает ли он толи «Васку», толи «Васу» с дредами. А с дредами «Васы» – только я и ты.

– Так я же лысый, у меня только три дредины на затылке.

– Вот и я, Вась, про то говорю, что и тебе, и мне надо бы зашифроваться на время.

– А я, наоборот, к тебе, Вась, приехал с хорошей новостью. И, по-моему, моя новость тебе сейчас в тему будет, – перебил нас Серёга, отправляя под стол котлетку для своей собаки. – Попутешествовать мне захотелось, поехали на пару неделек на Андаманские острова съездим? Я так понял, что тебе опять спрятаться на время нужно. В прошлый раз мы с тобой в Тайланде зажигали, а сейчас предлагаю на Андаманах отдохнуть. Заодно и переждёшь, пока тут страсти ваши драг-дилерские улягутся. Васко, поедешь с нами?

– Нет, я здесь, в Гоа, пока зашифруюсь. Да и бояться мне вроде нечего, не продавал я этой тёлке ничего.

– Ну, наконец-то, позади эти автобусы, – говорит Серёга, откидываясь в комфортабельном кресле самолёта Ченнаи-Порт-Блэр.

– Целые сутки на автобусе. Я, Серёг, больше в слиппер-басе с индусом по соседству ездить не буду.

– А чем тебе, Вась, индус не понравился? – смеясь, говорит подружка Серёги Марина.

– Не хотел я вам рассказывать, что со мной ночью произошло, пока вы дрыхли. Ну да ладно, расскажу.

– Интригующее начало, – улыбаясь, говорит Марина, доставая из спинки кресла журнал «Эйр Индия».

– Сплю я ночью в автобусе, и снится мне сон, будто девушка красивая на пляже ночью раздевает меня, расстегивает мне шорты, засовывает прохладную девичью руку и начинает ласкать меня. Встает она на колени, открывает свой ротик... И, что-то в этот момент пробуждает меня. Смотрю я спросонья, и вижу, что под моим одеялом, с соседнего кресла чья-то рука залезла мне в штаны, и болт мой гладит. Я сначала, грешным делом, на тебя, Марин, подумал, но потом вспомнил, что ты спишь с другой стороны. Дёрнулся в сторону, и тут же индус руку свою назад под одеяло убрал. Протер я глаза, смотрю, – индус вроде бы спит. Думаю, может, померещилось спросонья или приснилось. А утром, когда индус на своей остановке сошёл, подошел, гад, к моему окошку, и воздушный поцелуй мне послал.

– А чего же ты спугнул-то его? – весело смеясь, говорит Марина, – Закрыл бы глаза и вернулся к своей красотке на пляж.

– Я посмотрю на тебя, Марин, если тебе под юбку какой-нибудь индус ночью руку засунет.

– Всё зависит от того, какой индус и как красиво он это делает, – продолжает смеяться Маринка, листая глянцевый журнал.

– Вот это номер! Смотри, Вась, – перебивая нас, Серёга показывает нам открытый журнал индийской авиакомпании.

– Не поняла? – медленно произносит Маринка, открывая от удивления рот.

На большой, в полстраницы, фотографии я вижу себя, Серёгу и мою Лену, в нарядных оранжевых одеждах, стоящими на Фли-Маркете

– Когда это вас фотограф подловил?

– Судя по длине трех моих дредин на затылке – это первый год в Гоа, – говорю я, разглядывая свою фотографию.

– А посмотрите, мальчики, что в статье написано: «Раньше в Гоа люди в храмы ходили молиться, а сейчас там пати, фрики, наркотики и проститутки». Видимо вы, в оранжевых одеждах, счастливые и улыбающиеся, олицетворяете зло, из-за которого люди перестали в храмы ходить, усмехаясь, говорит Марина.

– По-моему, это хороший знак для маленького путешествия – увидеть свои лица в журнале самолёта, на котором мы летим отдыхать, – добавляю я, откусывая кусок пирожного с гашишом, заботливо положенного в дорогу моей Леной.

С наступлением темноты жёлтая субстанция, на ощупь напоминающая муку, начинает насыщаться белым и превращаться в самый красивый песок, который я когда-либо видел. Застывшие, невероятные сказочные животные, которые выползли ночью на пляж, становятся огромными, красивыми морскими раковинами и большими кусками кораллов. Громадные драконы и динозавры с приближением солнца снова превращаются в гигантские деревья, после последнего цунами, вырванные вместе с огромными корнями, они лежат на берегу, отполированные добела ветром и песком. Мимо огромных корней, медленно и важно по песку идут два слона, догорает костёр. Наслаждаясь этой красотой, мы качаемся в гамаках, натянутых между мускатных пальм. Ди-джей уже поставил плавную чилаутную музыку, и мы наблюдаем, как люди, танцевавшие всю ночь на пляже, начинают медленно расходиться. Слоны, медленно пританцовывая, тоже куда-то удаляются по своим делам. Ощущение, что мы в раю.

– Давно я на таком красивом пати не была, – говорит Марина, заморожено наблюдая, как слон чешет свой бок об огромные корни дерева, лежащего на берегу. – Хорошо, что здесь, на островах, можно по разрешению только месяц находиться.

– Это почему же? Я как раз сейчас думаю, как бы переехать сюда жить, – удивлённо спрашивает Серёга, приостановив ногой раскачивание гамака.

– Серёжа, если бы здесь можно было бы жить и дольше, сюда бы все гоанские фрики переехали бы. Здесь ведь рай, по сравнению с Гоа. А если приехали бы фрики, то за ними следом – и безумные туристы. Тогда бы и пати запретили, и слоны бы из-за шезлонгов по пляжу уже не смогли бы гулять.

– Мариночка, то, что здесь, по сравнению с Гоа, нетронутый рай – это точно. Купаясь в море, я впервые в своей жизни увидел гигантскую черепаху, плывущую под водой. Словно таинственный инопланетянин, она, не торопясь, парила, смотря мне прямо в глаза.

– Да, Вася, здесь подводный мир напоминает Красное море, только не тронутый туристами, – говорит Серёга, лёжа прикуривая джойнт.

– А мне, мальчики, когда я ныряю под воду, кажется, что я попадаю в огромный, хорошо ухоженный аквариум. В Гоа вода мутная и мешки целлофановые плавают. Вот поэтому мне и нравится, что здесь только месяц находиться можно.

– Ну что, психонавты, сегодня на другом пляже ночуем? – обращается к нам Серёга, осматривая внимательно весь пляж, на котором мы провели ночь.

– Конечно, хочется как можно больше пляжей успеть посмотреть за две недели, – весело говорит Маринка, выпрыгивая из гамака.

Третьи сутки мы передвигаемся по пляжам острова Хэвилок, ни разу ещё не снимая жильё. Ночевать на берегу в гамаке, натянутом между пальм, намного приятнее, чем в душных бунгало.

– Ну, вот и пригодились нам сегодня капельки ЛСД. Я уж думал, что придётся везти назад, говорит Серёга, рисуя палкой на песке «Ом».

– Я, Серёг, даже и не думал попасть на трансовое пати на Адаманских островах. Просто взял по привычке с собой, на всякий случай.

– Тут так красиво вокруг, что если бы и не было никаких наркотиков, мы не обломались бы без них.

– Мы, Васику, какие-то неправильные наркоманы, все нормальные наркоманы всё больше дозу делают, и всё чаще употребляют. А мы – наоборот. Вспомни, братко, как мы три года назад всё подряд в Гоа щелкали.

– Видимо, Серёг, наелись наконец-то. Я, когда из России сюда приехал, реально мечтал, чтобы наестся всеми возможными психоделиками. Ведь в России они дорого стоят, и не расслабишься, как здесь. В России повсюду менты, готовые засадить тебя за решётку за один косяк. У меня в Индии за три года ежедневная доза курения чараса в три раза уменьшилась. МДМА один-два раза в месяц ем, а ЛСД вообще раз в полгода. В рашке сложно отказаться от хорошего трипа, потому что неизвестно, когда будет следующий. А здесь, когда у тебя запас наркотиков на несколько лет вперёд – не очень часто их и хочется. Видимо, сделали мы свои квантовые скачки, больше ничего нового психоделика нам дать не может. Жалко только, что не все наши друзья живыми и здоровыми дошли до этой черты понимания.

– А, может быть, мы тоже не дошли? – снова звонко смеясь, говорит Маринка. – Посмотрите, мальчики, – вокруг ведь парадайз. Может быть, мы умерли, а это всё вокруг – рай, или наш последний сон разума.